

parterre BOX

opera from a certain point of view

The gleam of his smile

A clearly moved Hvorostovsky basked in the moment and momentarily broke character to acknowledge the love.

By Christopher Corwin

September 26, 2015

Earlier this year when the Met announced its 2015-16 season, the fall revival of Verdi's *Il Trovatore* looked pretty routine—except the first US Leonoras of reigning diva **Anna Netrebko**. Few would have predicted that Friday night's *prima* would turn out to be one of the most thrilling—and moving—performances heard at the house in many a season.

Anticipation turned dark a few months ago when the shocking news came that Met favorite **Dmitri Hvorostovsky**, the scheduled di Luna, had been diagnosed with a brain tumor. He immediately canceled all engagements for the next months and sought treatment in London. There was no announcement about the upcoming Met *Trovatore* run, but few probably expected that he would be well enough to appear. However, last month brought word that he would return to New York for the first three shows!

Doubters had been reassured lately by photos and videos on social media showing a happy-and-healthy-looking Hvorostovsky rehearsing and clowning around with friends and colleagues, so the atmosphere at the opera house before Friday's performance was electric. When he did first

appear from out of the shadows in the middle of the second scene, a huge roar went up from the packed audience and conductor **Marco Armiliato** stopped the music and joined in the jubilant applause himself. A clearly moved Hvorostovsky basked in the moment and momentarily broke character to acknowledge the love.

Toward eleven o'clock during the final bows, the cheering house rose *en masse* when the Siberian baritone loped onstage for his solo bow. The thundering roar continued for several minutes as he gestured his thanks to the audience. After the remainder of the cast and the conductor had appeared, groups bows ensued until the irrepressible Armiliato pushed Hvorostovsky out of the line for another solo bow and, in a stunning *coup*, several dozen white roses were flung onto the stage from the pit by members of the orchestra. *Trovatore* is not usually an opera that elicits tears, much less by its di Luna, but on Friday evening many in the theater, including an otherwise radiant Netrebko, were seen openly weeping.

Astonishingly no allowances needed to be made for return of Hvorostovsky's glamorously neurotic Count to the still-effective **David McVicar** production that he had premiered in 2009. If anything he sang better than ever, the voice big and beautiful. The long lines of "Il balen" were spun out with his signature elegance and enviable breath control but also with a minimum of the "huffing and puffing" that had occasionally crept in over the past few years. It was surely as good a performance of *Trovatore* as he has ever sung. But his return was not the only reason to cheer.

I admit that I wasn't all that thrilled when I saw that veteran mezzo Dolora Zajick was again to be the Azucena, a role she has sung many times around the world. Through no special planning I happened to be in New York City in October 1988 and caught Zajick's Met debut in this very role. Not having heard much about her, I was struck then by her unsubtle cyclone of a voice, particularly in an evening marred by **Eva Marton**'s hapless Leonora and **Luciano Pavarotti**'s distracted Manrico. In the many years since, I have admired rather than loved her remarkable

consistency and vocal health and probably taken it very much for granted. But during Friday's performance I think perhaps I finally came to love Dolora!

Even at 63 and after 27 years at the Met—where is there an Azucena anywhere today to compare to hers? Although the middle of the voice—never her strong suit—has gotten smaller and needs to be carefully managed, that indelible chest register and shining top (which would still be the envy of more than a few sopranos) continue ring out with power and bite. And over the years she has continued to refine her crazed gypsy—there was no trace of the routine as she once again recounted her mother's immolation in a mesmerizing “Condotta ell'era in ceppi.” Another high point was an “Ai nostri monti” sung with an eloquent nostalgia that was quite affecting.

As her temperamental son, Korean tenor **Yonghoon Lee** sang boldly if blandly. This was my first in-house experience with Lee whose Manrico occasionally got lost on a big stage otherwise loaded with so much high-voltage star power. While he's tall and handsome, his generic acting consisted mostly of pained looks toward the Family Circle and wide-open arm gestures. The bright, lean voice doesn't have much individuality but he did deliver a sensitively shaded “Ah si, ben mio,” though he might work on his “fake” trill. Just one verse of a vigorous “Di quella pira” followed, capped by brutally loud, if exciting acuti (and an amusing grunt), but one wishes he hadn't dropped so many measures of music to prepare for that climax.

As the much-coveted Leonora, Netrebko got off to a rocky start. Her rich soprano sounded thick and heavy in the rapturous recitative leading up to “Tacea la notte” and the sweeping aria itself was decidedly earthbound, riddled with pitch problems. A misjudged cadenza at its conclusion didn't prevent the adoring audience from giving the piece a long, loud ovation. The cabaletta (both verses) was an improvement but a hoped-for unwritten high D-flat to conclude the trio didn't materialize. Leonora's wonderfully expansive lines in the convent scene failed to soar, and one went into intermission fearful about the demanding *scena* that dominates the second half.

When Leonora arrived at the prison with Ruiz, Netrebko had become transformed. The recitative immediately preceding “D’amor sull’ali rosee” (some of my favorite music in the opera) announced that the world’s most famous soprano had at last come into full command of her sumptuous instrument. The hushed aria itself was a ravishing marvel of silken trills and heaven-sent *pianissimi*. The subsequent “Miserere” began with a frenzied climb halfway up the gate of prison bars and was frightening in its desperate intensity.

She vividly differentiated the two verses of “Tu vedrai” to convey Leonora’s growing desperation to free her bandit-lover. The subsequent blazing duet with Hvorostovsky sizzled with barely repressed sensuality as she manipulated the smitten Count to realize her scheme—the duet’s usually hectic conclusion has rarely been so thrillingly imbued with wild-eyed triumph. Although Lee tended to bellow in response, Netrebko dominated the final scene with finely arching lines of spun gold as Leonora succumbed to her tragic sacrifice.

A number of times during this special evening one earnestly wished for a more imaginative and precise conductor than the indulgent Armiliato. While I know many singers are happy to see this busy *routinier* smiling back at them from the pit, on this occasion, particularly during the evening’s uneven first half, he was hard-pressed to keep his forces together. Numerous coordination problems with the chorus were particularly jarring. Things worked better in the often inspired third and fourth acts, but sadly one never felt that Armiliato had much to say about Verdi and *Trovatore*.

Hvorostovsky appears with this same cast just twice more; those who can’t catch them in the house are exhorted to attend next Saturday’s HD transmission. He returns in February for four

more performances, but with a different Leonora and Manrico. Netrebko, Zajick and Lee are joined by **Vitaliy Bilyy** as di Luna for a pair later next month before **Antonello Palombi** spells Lee for the fall's final fall *Trovatore* on October 17.

Comments

Zinka: Went VIRAL all over the universe... The most gorgeous video imaginable

Krunoslav: Oh, and

"As Manrico the clarion-voiced South Korean tenor Yonghoon Lee, who has done exceptional work at the Met since his 2010 debut as Verdi's Don Carlo, gave a fearless and stalwart performance."

Camille Krunoslav: I happened to see about his second or third performance at the MET, in the 2010 *Don Carlo*, and was rather pleasantly shocked by his "fearless and stalwart performance", at THAT time.

Now, I am wondering if the habit of singing rather loudly and forcefully over the interim of these years is contributing to a slight decline in his powers. Nothing I have heard since is quite as good, I am sorry to say, as I rather liked him a lot in the beginning.

Camille - Krunoslav: I happened to see about his second or third performance at the MET, in the 2010 *Don Carlo*, and was rather pleasantly shocked by his "fearless and stalwart performance", at THAT time.

Now, I am wondering if the habit of singing rather loudly and forcefully over the interim of these years is contributing to a slight decline in his powers. Nothing I have heard since is quite as good, I am sorry to say, as I rather liked him a lot in the beginning.

Olivero is my Drug of Choice Poison Ivy: This was my first experience with Mr Lee. It's funny how 2 opera goers can go to the same performance and hear different things. I said to my companion regarding Mr. Lee "He will be nice to have around as a "house tenor" when starrier names and voices are unavailable." I especially remarked on the "sensitivity" with which he sings. I found his use of dynamics and phrasing to be lovely. I found his sound not to have intrinsic beauty and I wished for more heft. He's the type of singer I wouldn't by a ticket to see but If he happened to be in the cast of an opera I was going to I would be pleased.

Conchita: Saw this performance last night and I must say CC is generous and good-natured to be so receptive to what was mostly a mediocre performance by all, with the possible exception of DH, despite his health condition. Netrebko is a facsimile of a great singer, with moments of beauty and so many weaknesses that the end result is, at least for me, always disappointing.

Tamerlano Conchita: A facsimile of a great singer?

PushedUpMezzo: So pleased for Mr Hvorostovsky, the original silver fox. We do rather take him for granted; but there is really nobody else out there today who can spin such a gorgeous long Verdian phrase. Will hie me to the HD.

Contessa di Luna: I listened, hoping for the triumphant return of amazing Dmitri, and was more than overjoyed. However, I must say Stefan Kocan rocks! I have never heard him or anyone sing Ferrando better.

Dmitri, as your voice sounds better than ever, so may your health become better. We wish all good things for you.

Krunoslav Contessa di Luna: " I must say Stefan Kocan rocks! I have never heard him or anyone sing Ferrando better."

MUCH better Met Ferrandos have include James Morris and John Cheek, back when I was a lad, and more recently Willard White (2002-03) and in the current production Kwangchul Youn (2009) and PT fave Alexander Tsymbalyuk (2010).

DellaCasaFan [Krunoslav](#): I've just finished listening to the first two acts, thanks to a generous Parterrian. It's all fine if someone appreciates Kocan, but Ferrando's entrance aria was truly wobbly and his voice sounded old and worn out. Far from his impressive Sparafucile a year or so ago.

Tulip: Great night at the met!,!

Not mentioned in this review, Stefan Kocan as Ferrando was a great vocal presence with that super Bass voice of his!

Kashania: Thanks as always for your perceptive review, CC.

Sorry that Netrebko took a while to warm up but glad that she eventually nailed it. And very moving about Hvorostovsky.

Свет его улыбки

Явно растроганный Хворостовский наслаждался моментом и на мгновение вышел из образа, чтобы ответить на проявление любви.

Кристофер Корвин 26 сентября 2015

Когда в начале года Метрополитен-опера объявила репертуар сезона 2015–2016, осеннее возобновление постановки “Трубадура” Верди выглядело довольно обыденно - за исключением первых в США выступлений действующей примадонны Анны Нетребко в роли Леоноры. Мало кто мог предположить, что премьера в пятницу вечером окажется одним из самых захватывающих и трогательных спектаклей этого театра за последние годы.

Несколько месяцев назад ожидание омрачила шокирующая новость: у любимца Метрополитен-опера Дмитрия Хворостовского, исполнителя партии ди Луна, диагностирована опухоль мозга. Он немедленно отменил все выступления на ближайшие месяцы и отправился на лечение в Лондон. Объявления о предстоящем показе “Трубадура” в Мет не последовало, но, вероятно, мало кто ожидал, что он будет в состоянии выступить. Однако в прошлом месяце пришло известие, что он вернётся в Нью-Йорк для участия в первых трёх спектаклях!

Сомневающихся успокоили фотографии и видео последнего времени в социальных сетях, на которых Хворостовский выглядел счастливым и здоровым, репетировал и дурачился с друзьями и коллегами, поэтому атмосфера в оперном театре перед пятничным представлением была напряжённой. Когда он наконец появился из тени в середине второй сцены, в переполненном зале раздался оглушительный рёв восторженной публики, и дирижёр Марко Армильято остановил музыку и сам присоединился к ликующим аплодисментам. Явно растроганный Хворостовский наслаждался моментом и на мгновение вышел из образа, чтобы ответить на проявление любви.

Около одиннадцати часов, во время финальных поклонов, зал вскочил как один, когда сибирский баритон вышел на сцену для своего сольного поклона. Оглушительные аплодисменты продолжались несколько минут, пока он жеста благодарил публику. После появления на сцене остальных участников труппы и дирижёра, последовали групповые поклоны, когда неугомонный Армильято вытолкнул Хворостовского из строя для ещё одного сольного поклона, и - с потрясающей неожиданностью - из оркестровой ямы на сцену полетели несколько десятков белых роз. “Трубадур” - опера, которая обычно не вызывает слёз, тем более в адрес ди Луна, но в этот вечер многие в зале, включая и обычно сияющую Нетребко, не скрывали слёз.

Удивительно, но возвращение изысканно-нервного Графа Хворостовского в эффективную постановку Дэвида МакВикара, премьера которой состоялась в 2009 году, не потребовало никаких поправок. Если уж на то пошло, пел он даже лучше, чем когда-либо: голос был мощным и красивым. Длинные фразы “Il balen” были исполнены с его фирменной элегантностью и завидным контролем дыхания, но также с минимальным количеством «пыхания», которое иногда проявлялось в последние несколько лет. Это, без сомнения, было одним из лучших его исполнений “Трубадура”. Но его возвращение было не единственным поводом для радости.

Признаюсь, был не в восторге, когда узнал, что заслуженная меццо-сопрано Долора Заджик снова будет исполнять партию Азучены - роль, которую она пела множество раз по всему миру. В октябре 1988 года я случайно оказался в Нью-Йорке и попал на дебют Заджик в Метрополитен - опера именно в этой роли. Почти ничего о ней не зная, я был тогда поражён её неудержимым, словно циклон, голосом, особенно на фоне неудачного вечера, омрачённого несчастной

Леонорой в исполнении Евы Мартон и растерянным Манрико в исполнении Лучано Паваротти. С тех пор, за все прошедшие годы, я, скорее, восхищался, чем любил её поразительную стабильность и вокальное здоровье - и, вероятно, стал воспринимать это как должное. Но во время выступления в пятницу я подумал, что, возможно, я наконец-то полюбил Долору!

Даже в свои 63 года, после 27 лет на сцене Метрополитен-оперы — где сегодня найти Азучену, сравнимую с ней? Хотя средняя часть голоса - никогда не была её сильной стороной - стала менее объёмной и требует тщательного контроля, тот незабываемый грудной регистр и сияющие верхние ноты (которым позавидовали бы многие сопрано) по-прежнему звучат мощно и звонко. С годами она продолжала совершенствовать образ безумной цыганки — не было ни следа рутины, когда она вновь рассказывала о сожжении своей матери в завораживающем “*Condotta ell’era in seppi*”. Ещё одной вершиной стало исполнение “*Ai nostri monti*” - с трогательной до глубины души выразительной ностальгией.

Её темпераментный сын, южнокорейский тенор Ён-хун Ли пел смело, но без особой выразительности. Я впервые слушал Ли в зале, и его Манрико временами терялся на большой сцене, на которой и без того было предостаточно звёзд с мощной энергетикой. Хотя он высок и красив, часто его актёрская игра сводилась к страдальческим взглядам в сторону галёрки и широко раскинутым рукам. Его яркий, несильный голос не отличается особой индивидуальностью, однако он исполнил “*Ah sì, ben mio*” с тонкой нюансировкой - хотя ему стоило бы поработать над своим “неточным” звучанием. Затем последовал только один куплет энергичной “*Di quella pira*”, завершённый грубо громкими, хотя и возбуждающими аккордами (и забавным хрюканьем), но хотелось бы, чтобы он не пропускал так много музыкальных тактов, чтобы подготовиться к этой кульминации.

Роль столь желанной Леоноры Нетребко начала не очень удачно. В восторженном речитативе, предшествующем арии “*Tacea la notte*” её насыщенное сопрано звучало густо и тяжело, а сама стремительная ария из-за проблем с подачей звука оказалась недостаточно романтической. Неудачно подобранная каденция в конце не помешала восторженной публике встретить номер бурными и продолжительными аплодисментами. Кабалетта (обе строфы) прозвучала лучше, но ожидаемая ненаписанная верхняя ре-бемоль в финале трио так и не прозвучала. Удивительно выразительные реплики Леоноры в сцене с монастырём не произвели должного впечатления, и в антракт зрители уходили с опасением по поводу сложной сцены, которая доминирует во второй половине спектакля.

Когда Леонора с Руисом прибыла в тюрьму, Нетребко словно преобразилась. Речитатив, непосредственно предшествующий арии “*D’amor sull’ali rosee*” (одна из моих любимых сцен в опере), возвестил о том, что самая знаменитая сопрано в мире наконец-то полностью овладела своим роскошным голосом. Исполненная вполголоса ария была восхитительным чудом шелковистых трелей и божественных пианиссимо. Следующая сцена, “*Miserere*”, началась с неистового подъёма до середины тюремных решеток началась и потрясала своей отчаянной напряжённостью.

Она ярко выделила два куплета “*Tu vedrai*”, передавая нарастающее отчаяние Леоноры в её стремлении спасти возлюбленного-разбойника. Последовавший за этим пламенный дуэт с Хворостовским был наполнен едва сдерживаемой чувственностью, когда она манипулировала влюблённым Графом, чтобы осуществить свой замысел - обычно суматошная развязка дуэта редко звучала настолько захватывающей и проникнутой диким торжеством. Хотя Ли порой срывался на крик, в финальной сцене Нетребко доминировала с изящно выстроенными линиями, словно из золота, воплощая жертвенную гибель Леоноры.

Несколько раз в этот особенный вечер искренне хотелось, чтобы дирижёр был более творческим и точным, чем снисходительный Армильято. Хотя знаю, многие певцы рады видеть этого занятого рутинщика, улыбающегося им из оркестровой ямы, в этот раз, особенно во время неровной первой половины вечера, ему было трудно удержать своих подчиненных в едином ритме. Особенно резали слух многочисленные проблемы с координацией хора. Во многом вдохновенные третий и четвёртый акты прозвучали лучше, но, увы, так и не возникло ощущения, что у Армильято есть что сказать о Верди и “Трубадуре”.

Хворостовский выступит с этим же составом ещё дважды; тем, кто не сможет увидеть их в театре, настоятельно рекомендую посетить HD-трансляцию в следующую субботу. В феврале он возвращается ещё на четыре выступления, но уже с другими Леонорой и Манрико. В октябре к Нетребко, Заджик и Ли присоединится Виталий Билый в роли ди Луны, а 17 октября Антонелло Паломби заменит Ли в последнем “Трубадуре” осени.

Некоторые комментарии

Зинка: Стало ВИРУСНЫМ по всей вселенной... Самое великолепное видео, которое только можно представить

Крунослав: Да, и еще: “В роли Манрико бесстрашно и стойко выступил южнокорейский тенор с громким голосом Енхун Ли, который проделал исключительную работу в Метрополитен-опере с момента своего дебюта в 2010 году в партии Дона Карло в опере Верди”.

Камилла - Крунославу: Я случайно увидел его второе или третье выступление в Метрополитен-опере в 2010 году в опере “Дон Карлос” и был приятно удивлен его “бесстрашным и стойким исполнением” в ТО время.

Теперь я задаюсь вопросом, не привела ли привычка петь довольно громко и энергично в течение этих лет к небольшому снижению его возможностей. К сожалению, ничего из того, что я слышал с тех пор, не было столь же хорошим, как в начале, когда он мне очень нравился.

Оливеро – мой любимый наркотик - Поизон Иви: Это моя первая встреча с мистером Ли. Забавно, как два любителя оперы могут пойти на одно и то же представление и услышать разные вещи. Я сказала своему спутнику по поводу мистера Ли: “Он будет хорош в качестве “домашнего тенора”, когда звёздные имена и голоса будут недоступны”. Я особенно отметила “чувствительность”, с которой он поёт. Мне понравилось его использование динамики и фразировки. Я не нашла в его голосе внутренней красоты и хотела бы большего веса. Он из тех певцов, на которых я бы не купила билет, но если бы он оказался в составе оперы, на которую я собиралась пойти, я была бы рада.

Кончита: Вчера вечером я видела это представление, и я должна сказать, что СС великодушен и добродушно отнёсся к тому, что было в основном посредственным выступлением для всех, за исключением, возможно, Д.Х., несмотря на его состояние здоровья. Нетребко - точная копия великой певицы, в ней есть моменты красоты и так много слабостей, что конечный результат, по крайней мере для меня, всегда разочаровывает.

Тамерлано - Кончита: Копия великой певицы?

PushedUpMezzo: Очень рад за г-на Хворостовского, настоящего серебряного лиса. Мы как-то принимаем его как должное, но на самом деле сегодня нет никого, кто мог бы так же великолепно исполнять длинные вердиевские фразы. Поспешу посмотреть HD.

Графиня ди Луна: Я слушала, надеясь на триумфальное возвращение замечательного Дмитрия, и была более чем счастлива. Однако я должна сказать, что Штефан Коцан просто великолепен! Я никогда не слышала, чтобы кто-то пел Феррандо лучше него.

Дмитрий, твой голос звучит лучше, чем когда-либо, так пусть же и твоё здоровье станет лучше. Мы желаем тебе всего самого хорошего.

Крунослав - Графиня ди Луна: «Должен сказать, что Штефан Коцан просто великолепен! Я никогда не слышал, чтобы кто-то пел Феррандо лучше него».

Гораздо лучше Феррандо в Метрополитен-опере были Джеймс Моррис и Джон Чик, когда я был еще мальчиком, а в последнее время - Уиллард Уайт (2002-03) и в текущей постановке Кванчул Юн (2009) и любимец РТ Александр Цымбалюк (2010).

DellaCasaFan - Крунославу: Я только что закончил слушать первые два акта, благодаря щедрому Партерриану. Все хорошо, если кто-то ценит Коцана, но вступительная ария Феррандо была действительно неуверенной, а его голос звучал старым и изношенным. Это далеко от его впечатляющего Спарафучиле год назад.

Тюльпан: Отличный вечер в Метрополитен-опере! В этой рецензии не упоминается, что Штефан Коцан в роли Феррандо продемонстрировал великолепный вокал своим супербасом!

Кашания: Как всегда, спасибо за твой проникательный обзор, СС.

Жаль, что Нетребко потребовалось некоторое время, чтобы разогреться, но рада, что в конце концов она справилась. И очень трогательно о Хворостовском.

Перевод с английского Н. Тимофеева

